

Эпопея имени: Судьба рода

Автор: Сюзанна Энгельсон (Рига, 1903 - Женева, 1997)

Напечатано Эдит Энгельсон около 2010 г.

Полуавтоматический перевод с французского на русский - Вадим Энгельсон 2023 г.

Яков-Шалом Энгельсон-Бен-Малахи, талмудист из Литвы - Иерусалим на западе

Мой отец, Яков Шалом Энгельсон-Бен-Малахи, родился в 1855 году, 10-го числа месяца Тевет по еврейскому календарю, в день поста в память о разрушении Второго Храма в Иерусалиме римским императором Титом 3, в 70-е годы христианской эры. Этот месяц расположен, в соответствии с вариациями лунного ритма месяцев еврейского календаря, между декабрем и январем.

Яков Шалом Энгельсон родился в городе Борисове, Белая Россия.

Его **рождению** предшествовало значимое событие.

Его мать, от которой он должен был быть первенцем из нескольких других детей, серьезно заболела, когда была беременна им. Врач усомнился в хорошем исходе родов и подумал, не лучше ли отказаться от них.

Но она настаивала на том, чтобы ничего не было сделано против жизни ее ребенка, и выражала уверенность, что все будет хорошо. Действительно, незадолго до этого она видела, как ее собственный отец, умерший, являлся ей во сне и возвещал ей, что скоро ее посетит счастье.

Она была убеждена, следуя этому сну и этим словам, сказанным ее отцом, что у нее родится ребенок и что это будет для нее счастливым событием. Поэтому она упорствовала в своей вере и в своем желании дать жизнь этому ребенку.

Роды состоялись в ожидаемые сроки, все прошло хорошо, как для мамы, так и для ребенка.

Затем мать дала своему первенцу то же имя, что и его дед по материнской линии: Иаков Шалом.

И как только ему исполнилось четыре года, ребенка отвели в **талмудическую школу** города, чтобы получить там соответствующее образование. Впоследствии, будучи подростком, он отправился в Литву, в знаменитую талмудическую школу с университетской степенью, основанную мастером раввином Хаимом Воложинером, то есть из города Воложина в Литве, название которого отныне присоединилась к его имя рабби Хаима, в знак почтения и благодарности за учение, которое он основал и распространял там за несколько столетий до этого.

Это было для молодого человека началом долгого периода обучения, размышлений, медитации, посвящения, который растянулся на сорок лет и продолжался всю его жизнь, на протяжении которой был он постоянном диалоге с Предвечным.

Именно там, прежде всего, он стал благоговеть перед работой и личностью раввина Хаима Воложинера и выразил желание иметь милость однажды встретить потомка этого почтенного рода, иметь счастье выйти за неё замуж и родить детей.

Тогда он этого не знал, но это желание должно было осуществиться, после многих промежуточных стадий, спустя годы, и от этого у него родились дети.

Теперь мы должны вернуться, прежде чем продолжить рассказ об этом существовании в различных его проявлениях, к самому **происхождению имени**, которое он носил и которое датируется 1812 годом.

Действительно, его дед по отцовской линии, чья фамилия тогда была Шапиро, был главой еврейской общины небольшого городка в Белоруссии у Березины. Он проживал там в ноябре 1812 года, во время нашествия Наполеона, во время его отступления из России.

Окруженный со всех сторон войсками царя Александра - Наполеон, сопровождаемый небольшим отрядом соратников, в том числе из швейцарских полков, говорящих по-немецки, -- пытался найти тайный переход через реку, чтобы иметь возможность бежать, чтобы вернуться во Францию.

Он обратился к главе еврейской общины (мэру) - Шапиро - через немецкого переводчика.

И Шапиро указал ему путь, по которому нужно следовать, чтобы уйти от преследователей.

Согласно традиции, рассказывающей об этом событии, в знак благодарности Наполеон предложил ему имя, звучащее по-немецки, поскольку Шапиро не говорил по-французски.

Он дал ему фамилию **Энгельгардт**, что значит Твердость Ангела.

Впоследствии, поскольку это имя уже носил один немец, проживающий в России, это имя было изменено на Engelson или Engelsohn - Сын Ангела.

Это событие получило широкую огласку, и глава еврейской общины (городской голова) местечка предстал перед царем Александром I который желал расспросить его самого о своем поступке, который царь счел предательством по отношению к России.

Он ответил, напомнив, что во время проникновения французской армии в Россию и на протяжении всего ее продвижения в этой стране (верный идеям Французской революции в стремлении к освобождению евреев, возведению их в ранг французских граждан предоставив им равные права) в русских землях, через которые он проезжал, Наполеон провозгласил и в России равенство гражданских прав евреев с прочими российскими гражданами.

Именно в этом качестве евреи России принесли присягу на верность Наполеону.

Содействуя бегству императора от французов, он поэтому, как он заявил, только остался верным своей присяге ему, как и всегда был до сих пор, и что отныне он также будет подчиняться законам царя, Александра I.

Сообщение об этих фактах рассказывает, что Император России принял это объяснение и что лидер еврейской общины городка в Белоруссии, носящий теперь имя Энгельсон, смог вернуться домой с миром.

После этого у потомков этой семьи, носителей нового имени, сохранилась особая привязанность как к Франции, так и к Швейцарии. Из Швейцарии пришел **немецкоязычный полк** и от него происходит знаменитая трогательная песня - «Chant de la Bérézina» — с ностальгией поют швейцарские солдаты этого полка, поют на протяжении всего отступления, и выражают горячую надежду найти свою родину, в конце долгого и трудного пути, и увидеть свет радости, выйдя из беды . Это трагические воспоминания и узы, никогда не перестававшие оставаться горячими и живыми, в сердцах и умах всех членов и потомков этого рода, где бы они ни оказались впоследствии, как в Европе, так и в Америке (куда некоторые уехали и жили более время):

Chant de la Bérézina

Наша жизнь подобна путешествию странника в ночи;
У каждого на пути много того, что его беспокоит;
Но неожиданно ночь и тьма исчезают перед нами,
И угнетенные находят облегчение в своих страданиях.

Итак, идем дальше! Не отступайте в отчаянии!
За теми далёкими высотами ещё ждёт наше счастье.
Мужественные, мужественные, дорогие братья!
Отбросьте тревожные заботы!
Завтра солнце снова дружно взойдет на небе.

Давайте теперь вернёмся к жизнеописанию Якоба-Шалома-Энгельсона-Бен-Малахи.

Он женился в первый раз, на дочери талмудиста из Литвы, где в то время продолжал обучение. У него было от этой глубоко преданной ему спутницы несколько детей, из которых выжили только двое: сын Борис и дочь Берта. Эта первая жена умерла через несколько лет, и он остался вдовцом.

Затем он поселился в Риге, в Латвии, которая тогда была частью России, со своим младшим братом и матерью, *отец которой умер* [?].

Вместе с этим братом он основал там **оптовую табачную компанию**.

Во время своих деловых поездок, связанных с этим новым предприятием, ему довелось проезжать через небольшой городок Лида, недалеко от Вильны, Польша, где он навещал друзей. Именно во время этого визита он встретил в их доме молодую женщину, красота и изящество которой произвели на него сильное впечатление. Он расспросил о ней своих друзей. Ей сказали, что она происходит из знатного рода, - из рода Каменецких из Вильно, и что она сама является потомком основателя великой талмудической школы Литвы, знаменитого раввина Хаима Воложинера (его генеалогическая линия даст потомкам многих мыслителей и комментаторов библейских писаний). Эта информация глубоко потрясла Якоба Энгельсона. Он вдруг увидел перед собою самое исполнение своего горячего желания, сформулированного в годы учебы в Воложине: иметь благодать жениться на потомке своего почитаемого Учителя, - раввина Хаима Воложинского. Поэтому он не успокоился, пока ему не

удалось получить согласие молодой женщины на этот брак. Он женился на ней и приехал поселиться с ней в Ригу, где начался новый этап жизни, полный событий, счастливых или печальных, вплоть до отъезда их из России, в Палестину, накануне первой мировой войны, в 1912 году.

Геня-Хелена Каминецкая фактически была правнучкой раввина Ильи Акивы, главного раввина Вильно, и потомком раввина Хаима Воложинера. У него[?] был единственный сын. У него, принадлежавшего к талмудической рационалистической традиции, был близкий друг Ребе хасидской традиции. Именно с дочерью последнего он согласился объединить своего сына, продемонстрировав тем самым исключительную непредубежденность, соединив этим актом глубокой дружбы между этими двумя людьми больших знаний два традиционных течения, сильно противостоявших в то время.

Таким образом, этот брак достиг живого синтеза между двумя течениями еврейской духовности, глубоко укоренившимися в умах и сердцах: течением рационалистических талмудических исследований, противостоящих ревностному еврейскому мистику, вдохновленному изучением каббалы, особенно Зохара (זוהר אר"ק), — «Книга сияния», оба из которых непрерывно питали так много поколений еврейских мыслителей вплоть до нашего времени.

Таким образом, союз этих двух духовных течений возобновился в молодой женщине, ставшей женой Якоба Энгельсона. И чудо было в том, что и в нем самом, в глубине его самого, существовал тот же самый синтез, вибрирующий благодаря его двойной привязанности как к изучению Талмуда — рациональной — так и к той, которую он чувствовал к Зохару, книге еврейского мистицизма. Соединение произошло таким образом, через очевидные опасности жизненного пути, и теперь река могла слиться и продолжить свое течение через свои многочисленные меандры.

От этого союза родилось трое детей: старшая, **Мария-Мириам**, — дитя, в котором с ранних лет воплотился этот живой синтез, в мудрости сердца и ума, которая была красотой и глубокой добротой, ради которой все чужое страдание было ее собственным страданием, невыносимым, непостижимым, недопустимым и слишком рано сошедшим с путей существования, отнятым от любви к своим, сметенным внезапной и краткой болезнью, нанесшей неизлечимую рану матери.

Потом еще одна девочка — **Шошана** — Роза, на иврите — имя, взятое ее отцом из Песня песен, одна из его любимых песен, которую он также назвал "Роза Иакова". Наконец-то появился сын, долгожданный и ожидаемый с усердием как отцом, так и матерью, которому было дано имя **Моисей**, - в честь почитаемого Пророка, от которого отец вдохновлялся на протяжении всей своей жизни. жизни, бытия, и учению которой он посвятил книгу, написанную на русском языке: «Мировоззрение Моисея».

Россия 1912

Рига, огромный город, гудящий улей довоенной России, перекресток экономических и социальных течений, гордо раскинула высокие фасады своих домов и шпили церквей. За окном этих домов, выходящих на один из главных проспектов большого города, маленькая девочка с большими голубыми глазами, растрепанными, светло-каштановыми волосами, зачесанными назад, внимательно следила за

неумолкающим движением улицы. Это был мир, раскинувшийся перед ней, и ребенок представлял себе тысячу приключений вокруг каждого силуэта, который торопливым шагом следовал по тротуару, обсаженному высокими каштанами.

Ах! Эти каштановые деревья, Шошана так любила их, что они вставали перед ней во всей своей силе каждый раз, когда она упоминала о них, закрыв глаза в ночи, опустившейся на ее кровать.

Одним из ее самых приятных удовольствий было бродить под их ветвями, распростертыми как огромные защищающие ладони, прекрасным солнечным осенним утром, собирая их сверкающие каштаны, которые она бережно приносила в своей пестрой корзинке.

Шошана любила все в этом городе, где родилась, где свободно росла в мечтах и одиночестве.

Она любила то лето на берегу Балтийского моря, широкие пляжи, богатые ракушками, всегда новыми формами и вызывающими воспоминания звуками.

Его ноги без усталости бежали туда, утонув в горячем песке. Она любила густые леса этой страны, к голосам и тишине которых она страстно стремилась; сказки тоже, легенды, которые ей постоянно рассказывали или которые она сама воображала. Розы и сирень, утренний крик петуха, приветствующего рассвет: эти постоянно новые чудеса окрашивали ее летние пробуждения в деревне. Она прибавляла к этому в течение дня, ее всегда новая радость перед формами, ароматами, песнями и ее мечтами сплетала из этого для нее часы ее жизни, открывающиеся миру.

Она любила этот мир, простирившийся перед ней широко и ясно; она приветствовала его с приливом единой радости, всеми фибрами своего живого существа. Она горячо созерцала твердый и светящийся под откровенным солнцем снег, зимнее величие этой страны, когда, согреть ноги под мехом, давала себя унести в великую наступающую тишину, где только серебряные звуки звенели весенними трелями, как бубенцы.

Она любила эту землю при ее великих весенних пробуждениях, когда реки бурно освобождались от хватки льда, где во всем поднимался внезапный и бурный прилив сока, который все в ней переворачивал, соединяя ее с этой землей, расплавляя ее, в ней в едином сестринском ритме. Вся жизнь — земля, люди, животные, деревья, цветы, краски, звуки — вливались тогда в нее в гимне счастливого возрождения, гармонируя своими вздымающимися волнами со всеми сферами ее развития.

Шошана медленно формировала очертания этой страны неистовых желаний, энергичной и свободной инерции, подобно тому зимнему ветру, который однажды чуть не унес ее прочь, когда он беспрепятственно пронесся под снегом и солнцем над широким мостом, где она прогуливалась. Шошана вновь пережила эти ритмы, которые нахлынули на нее, как великая симфония, составленная из смеха, слез, вечно возобновляющихся восторгов и ее взгляда, обратилась к своим внутренним резонансам, забыла улицу, которая уже наполнилась тенями.

Как и каждый вечер, дом теперь оживал дружелюбными голосами, отрывая Шошану от грез, которые проецировались на нее высокими каштанами перед ее окном. Очарование внешнего мира исчезло, и люди, тоже плоды этого пейзажа, заняли свое место в ослепительном свете, наполнившем огромную комнату.

Устроившись в углу большого коричневого кожаного дивана, Шошана прислушивалась к голосам, к смеху, наполняя себя ими, как золотая пчела, собирая пыльцу со всего мира, перенося духи в самые глубины своей интимности, чтобы однажды выделить их, сделать немного этого меда, который излил в нее свою сильную радость, весь благоухающий душой цветов, которых он увековечил.

Ах! Как хочется быть маленькой оплодотворяющей пчелой, крылатой и тяжелой от меда, на всех путях мира.

Иногда в комнате с закрытыми окнами вполголоса раздавались также песни, рассказывавшие о братстве этих людей, об их надежде, об их воле, с этим духом самоотверженности и героизма, которым все они были пропитаны, наполняя пространство идеями и рвением.

Эти песни, которые пела ее мать, когда-то убаюкивали Шошану успокаивая ее ночью. Широкие и пламенные песни, как сильная и ностальгическая земля, из которой они родились, свободные и неукротимые, как эти трепещущие от любви сердца.

Это были, как позже узнала Шошана, песни великого века надежды и веры, песни рода людей, объединенных исключительным идеалом.

Спрятанные внутри неё, возрождающиеся при малейшем обнажении, эти песни впоследствии стали для неё своеобразным талисманом. Временами, когда ею овладевала грусть, звуки этих песен укрепляли ее, ободряли, окружая теплым пламенем их цепкой надежды, единым порывом воссоздавая ее сокровенную родину.

В своем углу Шошана напевала их, приветствуя: «Что с тобою, мой возлюбленный? Заблудилось ли твое сердце? Как темная осенняя ночь, ты затуманилась печалью. Забудь, мой возлюбленный, забудь о своей боли. Есть другая, необъятная, вот на нее и надо опереться. Войди в сырые подвалы, где царят холод, голод, нищета, где больные, голодные, вот на них и надо опереться.»

К этим песням, которые вселяли в ее сердце братство и жажду героизма, присоединялись рассказы, легенды, сказки; ее жизнь была сплетена с ними, и его детские сны снова восприняли их во сне; те сны, которые заставляли ее просыпаться с душой, цветущей от блаженства, с безмерным сожалением о возвращении в менее блестящую реальность, - подобно тому, который толкал ее искать под подушкой, с упрямством веры, предмет, которым она обладала в своём сне, или как неотступное воспоминание о видении райских садов, незабываемое, на протяжении всей ее жизни.

Были и кошмары, из которых она вырывалась с криком испуга. Шошана, однако, обладала ясным сознанием, кроме этого кошмара: однажды ночью, когда ей было четыре года, ей приснилась приближающаяся к ней ведьма, протягивающая жадную руку, чтобы схватить ее. Она проснулась в этот момент, открыв глаза в пароксизме ужаса. И в этот самый момент, во внезапном озарении, она поняла, что все, что ей нужно было сделать, это открыть глаза, чтобы избежать любой угрозы, любого ужаса. На следующую ночь она легла спать с радостным предвкушением, без того опасения дурного сна, ожидавшего ее, которое она иногда чувствовала.

Имея власть вызвать по желанию повторение или продолжение прерванного сна, она снова увидела в эту ночь ту же самую ведьму, на этот раз без тоски и страха, напротив, со злобной радостью от верной победы, которую другой, противник, не знал.

И, со спокойной веселостью, в решительную минуту — как и в ту ночь, но на этот раз в полном сознании — в ту минуту, когда иссохшая рука потянулась, чтобы схватить ее, она открыла глаза, улыбаясь, к свету, к освобождению.

И другие ночи, когда она несколько раз подряд видела, как черная кошка смотрела на нее своим зелено-желтым взглядом и мешала ей, сидящей на пороге между двумя комнатами, пройти из темной комнаты, где находилась она, в ту, светлую и живую, где находилась ее семья.

Спустя годы она сохранила страх перед кошками, тревожное беспокойство в их присутствии.

Эта атмосфера мечтаний и порывов к героизму прочно, страстно поселилась в Шошане. Едва войдя в жизнь, она заселила области снов и впредь всегда стремилась отобразить их контуры в формах своего существования.

Она очень рано научилась читать, чтобы иметь возможность самостоятельно приближаться к этим источникам, которые питали ее жизнь и придавали ей все ее значение. Пылкая, она тоже мечтала о том времени, когда наконец станет женщиной; где ей будет дано чудесно продлить свой сон, проецировать его сияние на большее пространство, ваять его в глубину. Ибо какой смысл может иметь жизнь?

И Шошана с трепещущим сердцем устремилась к этому будущему этапу своего существования, со всем рвением своих маленьких детских ручек, жаждущих лепить жизнь, довольствовавшихся тем, чтобы без усталости лепить бесконечные мосты и замки с высокими башнями на солнечном песке у лазурного моря.

Одиночество, полное мечтаний, пылкие чтения, восторженные и страстные порывы: всем своим существом, всем своим голодом Шошана подготавливала себя навстречу жизни.

Прошли годы, и Шошана вместе с братом и родителями отправилась к морю.

Палестина

Она знала другой берег, палящее солнце, другие языки - иврит и арабский - других людей, деревья, цветы, фрукты, снова море со знакомыми и всегда новыми ракушками, широкие дюны в мягком песке, в котором она любила погрузиться глубоко, чувствуя, как его мягкость течет по ее впитывающему и очарованному телу.

.

Очень быстро она к ней привыкла, «узнала в ней себя», полюбила и эту землю, всем своим существом, вдыхая красоты жизни, мира; эта земля, где в тумане времени обрел форму **пылкий и мистический народ, пришедший из пустыни**, где была выкована ее мечта, всепожирающая жажда, народ, частью которого она была, пришел сюда дать отдых своим уставшим ногам, -- народ -- вечный странник по миру.

И Шошана вызвала в этом пейзаже, где крайности тесно переплелись в поразительном сокращении, древних и еще живых людей, в которых никогда не переставало гореть пламя пустыни, то подземное, то ослепительное, сияющее, то освещающее, то задающее мир, - пылающее, пламя, образом которого была судьба этого народа.

Шошана особенно любила свои прохладные, яркие лунные ночи, которые наполняли ее безмерной ностальгией; небо такое синее, луна такая ясная, такая завораживающая, и ближняя, и далекая, с которой она привыкла долго разговаривать каждый вечер, растянувшись на умиротворенном песке. Там она тоже погрузилась в землю, свет, язык, цвета, запахи и вкусы, деревья, цветы и фрукты, которые она страстно любила: пальмы, вкусные красные гранаты, сочные сладкие фрукты, более цветущие, чем она знала их раньше, нектар которых она долго вдыхала внутри себя. Как прекрасны были вечера в этой стране! Это были долгие беседы с молодой писательницей, тоже из Европы, на плоских крышах восточных домов. Сказки и снова легенды. Они всегда говорили ей: все ее существо, казалось, звало их, одно ее присутствие мечтательного ребенка, с огромными воображаемыми и восторженными порывами, которые возносили ее в порыве над самой собой. «Маленькая принцесса страны грез» звали её. А днем -- прогулки по роскошным садам Палестины, сбор цветов, с формами, ароматами, которые она впитывала: впечатления, воспоминания, выгравированные в самой ткани ее жизни, становящиеся ее существом, вливающиеся в нее, - как и тот день, о котором она навсегда сохранила радостную гордость, когда вызвала **гнев охотника**, взявшего ее с собой, бросилась, со всей своей любовью, распугивая птиц, в которых он собирался стрелять. Отданная волне жизни, которая несла ее, формировала ее, Шошана была книгой с закрытыми страницами, предназначенной для печати поэмы, к которой она инстинктивно, интуитивно приберегала себя, руководствуясь законом, высеченным в самой сокровенной ее субстанции, глубочайшее, отмечавшее ритм ее существования: стихотворение, в котором она еще только выговаривала первые буквы, первые звуки, первые мелодии, слушая их таинственную музыку, резонирующую внутри нее, медленно раскрывающуюся.
